

КШИШТОФ ПОД КРЫШЕЙ

– Слышишь шаги под крышей?

Стася прислушалась. Ничего. Ничего... Вдруг шорох и лёгкий скрип половицы прямо над их с братом постелью. И ещё раз, чуть дальше.

– Это Кшиштоф, – робко шепнул Марек.

– Мыши? – переспросила Стася, думая, что ослышалась.

– Кшиштоф под крышей, – глаза Марека влажно сверкнули в темноте. Надо было оставить свечу догорать, хоть мать перед уходом строго-настрого запретила. Стася вгляделась в колышущиеся по стенам тени, покрепче прижала к себе брата.

– Какой ещё Кшиштоф? – холодными лапками засеменяли вдоль позвоночника мурашки.

– Нет там никого. Спи, Марек, спи.

Опровергая ее слова, снова скрипнуло на головой. Марек всхлипнул и уткнулся носом в плечо сестры.

– Это я его впустил... Вечером. Пока ты за дровами бегала.

Стася упрямо тряхнула светловолосой головкой, отгоняя ужас.

– Ты просто задремал там, в гостиной. Слышишь, Марек? Я отходила всего на минутку, а когда вернулась, ты так и сидел перед зеркалом, водя пальцем по его пыльной поверхности.

– Я его впустил. Он был таким голодным, – упрямо повторил брат.

Кот! Может, Кшиштофом Марек называет кота? Того, что они видели утром во дворе. Голодным матерый котяра с разодранным ухом не выглядел, но... Марек все время таскал в дом то котят, то щенков. Однажды даже галчонка невесть где подобрал. Мать ругалась и выставляла зверье за порог, не обращая внимания на полные слез глаза сына. Вот и теперь... Услышал Марек, пока она набирала дрова на кухне, жалобный «мяв» под дверь, да и отворил. Щеколда невысоко, брат бы дотянулся. А дикий кот просто стремглав бросился на чердак.

Под крышей жалобно брякнуло.

Стася нахмурилась. Конечно, это кот. Надо его изловить поскорее. Наверху много хрупких вещей, разобьёт ещё чего. Мать будет вне себя... А если узнает, что Стася не углядела, и брат отворил дверь... Ох не избежать тогда взбучки!

– Кшиштоф, говоришь. Пойду-ка посмотрю, – шепнула Стася и подоткнула одеяло, чтобы брат не замерз. – А ты будь здесь. И не вздумай вставать!

– Не ходи, Стася...

Но она уже схватила с прикроватного столика незажженную свечу и вышла из комнаты.

Свеча ожила огоньком, и тени отступили. Стася облегчённо вздохнула и зашагала через гостиную.

Задача-то левая: изловить кота и выставить вон. Можно даже не спускаться с ним вниз, просто приоткрыть чердачное оконце и выпустить его.

Марина Максимовна Сычева. Участник первого семинара молодых литераторов «Алтай. Нео-Лит» 2019 года, мастера Мария Семенова, Катя Матюшкина и Анна Самойлова; проходила курсы литературного мастерства у Анны Самойловой («Романный курс») и в литературных мастерских CWS, по результатам которых опубликовала рассказы «Камень/море» на ЛитРес и «Набросок» – в рамках литературного проекта «Teens write» и в альманахе «Пашня». На данный момент готовит к публикации этническое фэнтези на основе якутского эпоса «Солнце в силках».

Рыжий отсвет упал на мутную зеркальную гладь. Стася зябко повела плечиками: было что-то тревожное в том, как зеркало искажало действительность. Да ещё Марек прочертил на запыленной поверхности огромный прямоугольник. Словно дверной проем.

Поскорее миновав старое зеркало, Стася замерла перед лестницей на чердак. Наверху тишина.

Всего лишь кот. Там всего лишь кот.

Стася взялась за широкие перила. Ступенька. Ещё одна. И ещё. Половица под ногой пошла вниз, жалобно простонав. И, словно издеваясь, где-то в недрах чердака раздался точно такой же всхлип.

Вцепившись в подсвечник так, что пальцы побелели, Стася бросилась в чёрный зев чердака.

– Кис-кис-кис, – сдавленным голосом выдавила из себя она. Темнота проглотила звук, не откликнулась. Стася переступила с ноги на ногу.

Из мрака проступили очертания: старая софа у окна жметя к пузатому, завешенному шкафу, напротив них выгибает резную спинку вытертое кресло, оставшееся от прежних хозяев дома.

– Где же ты, котик?

Стася подняла свечу повыше и, осмелев, шагнула к шкафу. Заглянула под завесу, за софу и встала у кресла:

– Кшиштоф?

За спиной визгливо всхлинула половица. Огонек свечи дрогнул и погас. Стася обмерла, не в силах ни сдвинуться, ни крикнуть. Только смотрела, как из-за ее плеча вырастает, двигаясь, высокая черная тень.

***

Марек боялся этой минуты и ждал ее с нетерпением. Вслушивался, напряженно ловил каждый звук.

Часы в прихожей тихо щелкнули, отмечая начало новых суток.

Вот сейчас.

Два тяжелых шага от стены к чердачному окошку и визгливый скрип половицы прямо над его, Марека, постелью. Это Кшиштоф.

Потом едва уловимые шажочки от окна, ровно три, раз за разом. И тихий вздох разошедшего паркета. Это сестра.

Тишина. И все сначала.

Словно они танцуют в темноте. Ежедневно. Год за годом. Пропавшая однажды Стася и Кшиштоф, что под крышей.

ЛЕСОВОЙ

Кроп! – трещит под подошвой пестрая банка ред була. Бля...

Девчонка оборачивается. Я ловлю ее взгляд и понимаю – влип! Как муха в мед. Ее глаза – именно мед, темный, гречишный. Отец такой любит: натуральный, только на ярмарках достать можно.

Она окидывает меня взглядом, заправляет выбившуюся прядь за ухо. Родинка на щеке, губы тонкие, но улыбочивые. Не уходит. Встречается с кем-то здесь, в парке?

Продолжаю давить банку кроссами. Поднять бы, урна-то рядом. Но девчонка еще смотрит. Стрёмно.

– Твою ж! – ред бул летит в кусты. Я победно вскидываю руки. – Криштиану забивает гол!

Девчонка фыркает. Стараюсь на нее не смотреть. Уверенно достаю из кармана вэйп. Затягиваюсь. Дым кляксой растекается в воздухе.

Эх, отвернулась. Подойти... Вдруг не пошлет?

Шагаю.

– Слышь-ка, парниша? – окликают меня. В животе все обрывается: местные? Сейчас как вломят за девку-то. – Сигареткой угости!

Из кустов выбирается... Дед. Сухой, но подвижный. Веки нависшие, поэтому кажется, что он щурится. Хитро так. На голове грязная шапка, в седой бороде жухлые листья (откуда взял летом-то?). Что-то не так с его ногами... Взгляд за них так и цепляется. Носки разные? Нет! Вот кринж! Да он же левый ботинок на правую надел! В узловатых пальцах вертит смятую банку ред була. Вот бли-и-и-н! Если при девчонке начнет мозг мне выносить...

– Я по пару, папаш. Табака нет, – отворачиваюсь. На плечо мне ложится его рука. Под криво обрезанными ногтями грязь. – Эй-эй, без рук!

– Лесовой я, – зачем-то представляется дед. Усиленно тру рукав худи. Надо будет постирать. – Понимаешь? Леса нет, повырубили. Теперь – тьфу! – парк. А карагач мой живехонёк. Там, в конце левой тропки. Шумит зеленой кроной. А с ним и я тут-ка. Эх! Закурить-то есть?

– Нет, дед!

Девчонка поглядывает то на часы, то на экран мобилы. Склоняет голову. Лица не видно, но я уверен: на глазах у нее слезы. Сумку в левую руку и – уходит! Медленно, пинает камешек.

– Лесовой я, – бубнит дед. Походу, того... кукухой поехал. – Леса – нет! Вместо перепутанных тропок – прямые дорожки. Асфальт! Вместо чащи – рядочки хилых саженцев, нет в них ни силы, ни воли. Деревья-старожилы, что еще лес помнят, наперечёт...

Мне бы бросить деда, догнать девчонку. Но в голосе его прибавляется злости. Глаза разгораются зеленью, а в бороде завиваются свежие побеги.

Да ну нах! Моргаю: обычная борода, и дед обычный. Немного того только.

Бля, упустил! Залип на деда, не заметил, куда свернула... а деда жалко... Одинокий, наверно.

– Дед! Ты не переживай, дед! Сигаретки у меня и правда нет, – запускаю руку в карман, – на вот. Крутая штука – вэйп! Вот здесь нажимай и тяни. И банку дай сюда, выкину. Бежать мне надо, дед. Если еще не поздно...

Старик смотрит на вэйп в своей ладони удивленно. Хмыкает. Прищуривается на меня.

– За девницей, что ль? – подмигивает. – Ладушки, подсоблю тебе. На мелочь такую меня еще хватит. Ступай правой тропкой. Я зазнобе твоей дорожку спутаю, аккурат на тебя выйдет.

ПОДМЕНИШ

– Шагай скорее, – Саша нетерпеливо дергает брата за руку. Илюша старательно переставляет ноги в белоносых кедах на липучках, но где ему успеть за широкошагой Сашей.

За спиной раздаётся тоненькое хныканье. Разнюнился! И мать хороша! Кукушка, вечно подкидывает мальчика Саше.

Улица Весенняя пестрит вывесками. Саша проносится мимо витрины кафе и едва не налетает на двух старушек.

– Куда торопишься, сыночка пожалей, так и заходится, бедняга, – делает ей замечание та, что в шляпе. Саша не отвечает, торопливо сворачивает во двор.

– Дурная, куда ребенка тащит, это же подменыша дворик, – причитает ей в спину вторая.

Достали! До всего старым кошелкам есть дело! Саша вскидывает свободную руку, выставив средний палец.

Двор встречает ее взрывом смеха. Саша притормаживает, выуживает из заднего кармана телефон. С экрана на нее хмурится взъерошенная блондинка. Саша поправляет волосы, придирчиво оглядывает стрелки. Опять одна чуть длиннее. Аккуратно подтирает пальцем.

Илюша требовательно дергает ее за рукав:

– Дай кубики, – все еще всхлипывая, тянется к телефону. Саша закатывает глаза и прячет телефон.

– Потом, – на брата не смотрит. Там, в беседке слева от детской площадки, маячит высокая фигура с короткими дредами, собранными в хвост. Дэн. А вокруг так и вьется Ирка. Стерва, знает же, что Санька с ним мутит!

– Ты когда в подоле принести успела? – бросает Ирка, кивая на не отстающего от Саши Илюшу. – Дэн, признавайся, ты постарался?

Дэн выпускает изо рта клубы дыма, усмехается полными губами:

– Санька, если ты за алиментами, то не ко мне!

– Придурки!

– Да расслабься, – Дэн по-хозяйски притягивает ее к себе. – Коктейльчик будешь?

Саша млеет от горьковатого запаха табака и горячей ладони на своем животе.

– Я хочу, – Илюша тянется к пластиковому стаканчику с яркой жидкостью. Дэн заливается смехом.

– Мужик растет! Попробуешь?

– Ты дурак? – Саша выворачивается из объятий, берет брата за руку. – Пойдем, там качели есть. Поиграешь один?

Саша оглядывает двор. Безликие пятиэтажки. Только одна стена пестрит надписями: «Павлик спит». «Павлик ли?» «Не буди подменыша». И смазанная стрелка к приоткрытой двери подвала.

Детская площадка пустует. Почти. Саша вглядывается в укутанную не по погоде женщину. Примостилась на лавке у песочницы. Раскачивается туда-сюда, баюкает на руках истрепанную игрушку. Кролик с порванным ухом.

Илюша нетерпеливо тербит Сашу за рукав:

– Качели!

– Иди, я рядышком. Вон там, с ребятами.

Беседка снова взрывается смехом. Сашу тянет туда, вдохнуть табачный запах Дэна, утонуть в его руках.

– Играй, Илюша!

– Павлюша? – Саша вздрагивает. Оборачивается на голос. – Нет Павлюши. Подменыш только. А Павлика моего так и не вернули.

Женщина обводит мутным взглядом площадку. Поднимается. Кролик выскользывает из ее рук. Продолжая бормотать, женщина семенит прочь.

– Санька, ты куда потерялась? – окликают из беседки.

Отвертка выжигает нутро. Саша ухает, утирает слезы.

– Зашибись, да? – шепчет Дэн. От его близости становится еще жарче.

Мир слегка плывет. Саша блаженно сползает по лавке, укладывает голову на плечо Дэна.

– Да тут целые послания! – выдает Ирка, оглядывая исписанные маркером балки. – И все про какого-то Павлика!

– Да жил тут такой. Все слюни пускал, – поясняет Дэн, путаясь пальцами в Сашиных волосах. – Мать у него тоже... Того. Все говорила, что не ее это сын. Била его нещадно. А потом он пропал. Опека забрала. Или маманя удавила.

Павлик... Тошнота подкатывает к горлу. Саша подскакивает.

– Шухер! Полиция! – шипит Ирка.

– Мотаем, быстро! – Дэн хватается Сашу за руку.

– Стой, – вырывается она, – Илюша!

Беседка, кусты, песочница – все прыгает перед глазами. Саша налетает на пустые качели. Брошенный кролик насмешливо пучит на нее стеклянные глаза.

– Илюша!

Саша оглядывает плывущий перед глазами двор. Замечает Ирку, барахтающуюся в руках людей в форме. Черная стрелка указывает на приоткрытую дверь подвала. Скорее, туда!

Дверь противно скрипит, пропуская Сашу во мрак.

– Илюша? – шепчет она, сглатывая подступающий к горлу ком.

– Я тут, – Саша слепо тянет руку вперед. И вздрагивает, когда в ее ладонь ложатся холодные пальцы.